

Татьяна Николаева

Эмоционально-оценочная лексика как результат семантического словообразования

Studia Rossica Posnaniensia 35, 167-176

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

THE EMOTIONAL-EVALUATIVE VOCABULARY AS A RESULT OF SEMANTIC DERIVATION

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. In the article the system character of semantic transformation is proved on the material of emotional-estimated lexicon. The author confirms the position of Kazan linguistic school – a new meaning presumes a new self-functioning word. The investigator offers a scheme of interpretation of semantic derivatives in a specialized dictionary.

Татьяна Николаева, Казанский государственный университет, Казань – Россия.

В 1815 году казанский ученый Николай Ибрагимов писал: „Сображаемы были новые понятия с понятиями уже известными и сим словам для наречения оных даваемо было множайшее знаменованіе. Так, понятие руки – телесного члена [...] образовало 1) понятие стороны: *на левой руке – ряды* (курсив мой – Т.Н.); 2) понятие помощи, защиты: *Он при дворе имеет сильную руку*; 3) понятие власти, управы: *На него наложили руку. Его держат в руках*; 4) понятие почерка: *Он пишет на скорую руку*”¹. Тем самым более двух столетий назад было указано на существование семантического способа словообразования, по поводу которого до сих пор нет единого понимания, как нет четкой терминологии, обозначающей процесс возникновения производных номинативных единиц от исходных без изменения внешней структуры слова.

Вместе с тем, важным является не столько номинация указанного процесса, сколько осознание ее результата – что это: появление новых значений одного слова (полисемия, многозначность) или новообразований, представляющих собой самостоятельные слова? Данный вопрос требует своего решения, так как семантическая трансформация – это прежде всего один из наиболее продуктивных путей пополнения языка новыми номинативными единицами. Кроме того, это и многоаспектное явление языковой системы, связанное

¹ Н.А. Ибрагимов, *О многозначности и общем изменении слов Николая Ибрагимова*, [в:] *Труды Казанского общества любителей словесности*, кн. 1, Казань 1815, с. 113.

с когнитивными процессами человеческого мышления и приводящее к семантизации наименований, которое охватывает всю лексическую систему языка и отражает динамику его эволюции.

В современной русистике существует несколько точек зрения по поводу деривационных процессов, изучение которых справедливо признается центральной проблемой анализа лексического материала и является одним из приоритетных аспектов исследования. Так, Ю.Д. Апресян называет семантическую деривацию „регулярной многозначностью”, имея в виду регулярную „способность слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений”². Как проявление полисемии трактуют семантическую деривацию Е.С. Кубрякова³ и О.Б. Полячук⁴. В.Н. Телия дает свое понятие данного процесса, называя его „косвенной номинацией”⁵.

В свое время Л.А. Булаховский высказал весьма простую, но ценную мысль: „Совпадающие по форме слова с разными значениями обыкновенно нужно относить к разному времени и видеть в них независимо возникшие продукты словообразовательной деятельности говорящих”⁶. Рассуждая по поводу семантических преобразований, А.А. Потехня, как известно, считал, что каждое значение образует отдельное слово, поэтому, „где два значения, там два слова”⁷. Близок к этой точке зрения и Л.В. Щерба, утверждавший, что „на самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений”⁸.

Эту позицию известных ученых занимает и Казанская лингвистическая школа. Характеризуя сам процесс семантической трансформации, профессор В.М. Марков пишет: „Развитие слова заключается в обогащении лексемы все большим количеством ассоциаций по мере ее употребления в различных условиях речи, что приводит к рождению самостоятельной лексико-грамматической единицы, служащей наименованием уже иного явления, в том или ином отношении сближенным с исходным словом. Аналогические предпосылки характерны и для морфемного способа словообразования, который не-

² Ю.Д. Апресян, *Лексическая семантика: синонимические средства языка*, [в:] его же, *Избранные труды*, т. 1, Москва 1995, с. 492.

³ Е.С. Кубрякова, *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)*, [в:] *Язык и наука конца XX века*, Москва 1995, с. 14.

⁴ О.Б. Полячук, *Основные подходы к анализу многозначного комплексного знака*, „Вестник ВолГУ”, серия: „Филология. Журналистика” 2006, № 1, с. 44.

⁵ В.Н. Телия, *Типы языковых значений: связанное значение в языке*, Москва 1981, с. 268.

⁶ Л.А. Булаховский, *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, Киев 1958, с. 57.

⁷ А.А. Потехня, *Психология поэтического и прозаического*, [в:] *Вопросы теории и психологии творчества*, Харьков 1910, с. 108.

⁸ Л.В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград 1974, с. 291.

обходимо рассматривать в тесной связи со словообразованием безморфемным...»⁹. „Появление нового значения – появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта»¹⁰.

Безусловно, при рассмотрении семантического и морфологического способов необходимо иметь в виду и их различие. Основное отличие семантического способа заключается в том, что связь между производящим и производным устанавливается на основе разнообразных ассоциаций, определяемых внешним сходством их признаков, что приводит к метафорическим или метонимическим переносам. Поэтому значение производного связано со значением производящего не общим элементом смысла, а лишь теми признаками, которые могут быть названы ассоциативными. Богатство ассоциаций в языковом сознании носителей языка обеспечивает нахождение мотивировочного признака.

Сегодня назрела необходимость подтвердить точку зрения о самостоятельности семантического словообразования, результатом которого является появление новых слов. Безусловно, главный, наиболее весомый аргумент – это системность семантических трансформаций.

Говоря о системности языка вообще, А.А. Потеня указывал прежде всего на такие факторы, как упорядоченность и связь с другими явлениями¹¹. Если конкретизировать данные критерии применительно к словообразованию, имея в виду как связь с экстралингвистическими факторами, так и с особенностями самой словообразовательной системы, то они окажутся вполне приемлемыми для характеристики процессов семантической деривации, в чем убеждает целый ряд факторов.

Важнейшими из них являются:

1) исторический подход к изучаемым явлениям, раскрывающий внутренние законы развития языка, сказывающийся на формировании не только лексики, но и фразеологии. Реализация семантического потенциала слова, способного к ассоциативному переосмыслению, смена денотата и дальнейшая лексикализация деривата, наконец, включение слова в иной лексический разряд – все это обусловлено историческим развитием языка и играет важную роль в организации синхронной лексической системы;

2) образование лексико-семантических групп с устоявшимися трансформированными значениями. Выразительна группа, обозначающая животных или птиц и поведенческое начало человека: *заяц* – ‘трусливый человек’, *лиса* – ‘хитрый человек’, *ворона* – ‘растяпа’, *курица* – ‘ограниченная женщина’, *слон* – ‘неуклюжий человек’ и т.д. То же – номинация человека с характерологическими признаками блюда, еды, продуктов питания. Основанием для

⁹ В.М. Марков, *О семантическом способе словообразования*, [в:] его же, *Избранные труды по русскому языку*, Казань 2001, с. 117.

¹⁰ Там же, с. 135.

¹¹ А.А. Потеня, указ. соч., с. 110.

переноса послужили следующие признаки: консистенция продукта: *квашня* – ‘о неповоротливом, рыхлом, толстом человеке’, *кисель* – ‘мягкий, безвольный человек’, *размазня* – ‘слабохарактерный человек’, *тюря* – ‘вялый, нерасторопный человек’; вкусовые качества: *сахар* – ‘о ком-нибудь, доставляющем удовольствие’, *перец* – ‘колкий, язвительный человек’; часть продукта, выделяющаяся по своим вкусовым качествам: *изюминка* – ‘привлекательный, своеобразный человек’, *сливки* – ‘лучшая часть общества’ и т.д.;

3) формирование синонимических рядов с распространением метафорического значения опорного слова на весь синонимический ряд с последующим перераспределением их стилистической маркированности (*свергнуть* – *свалить* – *сбросить* – *скинуть* – *страхнуть* – *сверзить* – *столкнуть*, где лексема *свергнуть*, послужившая моделью для семантических преобразований других синонимов: конкретное физическое действие – общественно-политическое значение, сама подвергается воздействию новообразований, постепенно теряя на их фоне свою экспрессивность, стилистическую маркированность);

4) наиболее яркий показатель системности – параллелизм семантического и морфологического способов, который проявляется: а) в сходстве конечного результата – возникновении новых, самостоятельных лексем, б) в целевом назначении процесса деривации, результатом которого являются новообразования, осознающиеся как вторичные по отношению к производящим, в) в построении моделей, по которым создаются словообразовательные типы, их регулярности и продуктивности, г) в общности понятий: „типовое значение”, „характер производящих основ”, „процесс деэтимологизации”, „парадигма” (возможность образования)¹². Представляется целесообразным показать одну из малоизученных, но продуктивных семантических моделей в сфере имен существительных: „наименование лица по профессии или роду занятий – наименование лица по характеризующему его признаку”. При этом производные, как правило, приобретают определенную пейоративность; *мясник* – ‘торговец мясом или работник на бойне’ и *мясник* – ‘кровожадный, жестокий человек’; *сапожник* – ‘работник, занимающийся шитьем и починкой обуви’ и *сапожник* – ‘неумелый, неискусный в каком-нибудь деле человек’; *диктатор* – ‘правитель государства, пользующийся неограниченной властью и не отвечающий за свои действия ни перед каким государственным органом’ и *диктатор* – ‘властный человек, чьи желания должны немедленно выполняться’; *маляр* – ‘человек, трудящийся на строительных объектах, его основная работа – покраска сооружений, помещений’ и *маляр* – ‘о плохом худож-

¹² См. об этом подробно: Т.М. Николаева, *Системный характер семантических изменений*, [в:] *Ученые записки Казанского государственного университета. Языковая семантика и образ мира*, т. 135, Казань 1998, с. 103–110; ее же, *Актуальные процессы семантического словообразования в русском литературном языке конца XX века*, [в:] *Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: межвузовский сборник научных трудов*, отв. ред. Б.И. Осипов, Омск 2003, с. 98–115.

нике, живописце’; *палач* – ‘лицо, приводящее в исполнение приговор к смертной казни’ и *палач* – ‘человек, отличающийся особой жестокостью’ и др.

Представленные примеры модификации значений сопровождаются смелой денотата, а это в свою очередь способствует изменению коннотативного фона, появлению новых оценочных характеристик.

Весьма убедительным показателем системности может служить различие грамматических показателей, свойственных производному и производящему в сфере знаменательных частей речи. Именно этот аспект составляет предмет нашего исследования.

Материалом изучения послужила эмоционально-оценочная лексика – категория слов, отражающая и обозначающая многообразные проявления интеллектуальной и оценочной сферы деятельности человека, которые выполняют в коммуникативном процессе одну из важнейших функций слова – экспрессивно-выразительную. В последнее время сфера коннотации вышла из сферы собственно лингвистических понятий, она захватила социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, так или иначе отражающиеся в языке; отсюда – многочисленность работ, освещающих данные проблемы в самых разнообразных аспектах: лексикологическом и лингвистическом, социолингвистическом, психолингвистическом, в ракурсе изучения общей теории речевой деятельности.

Давая оценку словам эмоциональной оценки как широко употребительным в речевом обиходе экспрессивным языковым средствам, квалифицирующим предметы и явления, их качества с положительной или отрицательной стороны и выражающим отношение, оценку индивидуального (или коллективного) субъекта речи, мы должны заметить, что до сих пор не упорядочена терминология, касающаяся понятий *коннотативное* – *экспрессивное* – *эмоционально-оценочное*, которые интерпретируются учеными весьма неоднозначно и противоречиво; при этом не обобщены критерии их выделения, что порождает трудности их отбора как объекта изучения и определения их границ. Вместе с тем, эти понятия взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Эмоциональная оценочность всегда сопряжена с коннотативными процессами, которые приводят к семантической трансформации нейтральных номинаций. Экспрессивность тесно связана с эмоциональной оценочностью, она обуславливает ее. Сказанное позволяет подходить к номинациям *коннотативное* – *экспрессивное* – *эмоционально-оценочное* недифференцированно и рассматривать их условно в качестве адекватных, синонимичных понятий.

Вернемся к рассмотрению вопроса о грамматических показателях, свойственных производному и производящему, что является одним из главных аргументов в защиту теории о самостоятельности новообразований, их права на существование в качестве новых слов, а не оттенков значений производящего.

Нами выделены деривационно-семантические модели различных знаменательных частей речи, по которым проходило семантическое переосмысление.

Благодаря этому открывается возможность изучения словообразовательных типов, на базе которых мы постараемся показать различие грамматических показателей, свойственных производному и производящему, что проявляется во всех частях речи. Обратимся к глаголам, которые наименее изучены в семантическом словообразовании в силу неразработанности как семантического способа, так и сложности самой категории глагола как части речи. Одна из наиболее продуктивных моделей – „глаголы конкретного физического действия – умственная сфера деятельности человека”. По этой модели созданы семантические производные, составляющие словообразовательный тип: *пахать* – ‘обрабатывать землю плугом’ и *пахать* – ‘применять большие усилия в работе’; *врубиться* – ‘путем физических усилий проникнуть во что-нибудь’ и *врубиться* – ‘понять ситуацию’; *прохлопать* – ‘в ладоши’ и *прохлопать* – ‘упустить что-нибудь’; *вкальвать* – ‘воткнуть, заставить с применением силы войти во что-нибудь’ и *вкальвать* – ‘много, с усилием работать’; *замотаться* – ‘обвить себя вокруг, закутаться чем-нибудь’ и *замотаться* – ‘утомиться, измучиться от непрерывной работы, хлопот’; *отбарабанить* – ‘закончить игру на барабане’ и *отбарабанить* – ‘отработать необходимое количество времени’; *трубить* – ‘играть на трубе’ и *трубить* – ‘усиленно учиться, работать’; *раскусить* – яблоко и *раскусить* – ‘понять истинную сущность человека’. База для переносных значений – разнохарактерные глаголы, компонентами которых чаще всего могут быть степень интенсивности, длительность, результативность действия. Следует признать, однако, что основы семантической производности далеко не всегда очевидны, что позволяет говорить о разных ступенях процесса дестимологизации, неизбежного при семантическом словообразовании. Как видно, производящие основы – нейтральные, общепотребительные глаголы с конкретным физическим действием. Они лишены экспрессивной выразительности, эмоциональной оценочности, однако производные непременно включают в свою семантику качественно-оценочную характеристику разнообразных действий, свойственных человеку. Что касается механизма появления новых слов, то он очень сложен, так как ассоциативные связи подчас вообще не ощущаются говорящим в процессе словоупотребления.

Итак, семантически производные глаголы по сравнению с производящими: 1) теряют возможность образования видовых коррелятов (примеры демонстрируются согласно приведенной ранее модели): *вкальвать*, но *вколоть*, *замотаться*, но *заматываться*, *отбарабанить*, но *отбарабанивать*, *раскусить*, но *раскусывать*; 2) теряют возвратное значение: *расписаться* (в беспомощности), *замотаться*, *врубаться*; 3) приобретают переходность: *прохлопать* – что-то упустить, но *прохлопать* в ладоши; 4) утрачивают переходность: *трубить* – работать, трудиться, но *трубить* мелодию и др.

Семантически производные имена существительные со значением номинации человека, мотивированные именами, обозначающими часть тела, могут: 1) приобретать признак одушевленности: *взять в плен языка*, но *пока-*

зать язык; 2) отличаться в структурном отношении: пленник – только язык, ср.: язычок – субъективно-оценочное от язык – орган во рту; 3) характеризоваться специфическими синтагматическими связями: язык толстый, тонкий – ‘орган во рту’, но длинный язык – ‘болтливость’, злые языки – ‘любители пересудов’, эзоповский язык – ‘иносказательность’.

Ряд отличий грамматического характера можно указать и у семантизированных прилагательных. Среди них особое место занимают цветовые обозначения, семантика которых далеко не адекватна в различных языках и подчас создает межъязыковую энантиосемию. Так, В.И. Абаев отмечает: „Черный цвет, как известно, ассоциируется с трауром и вообще с негативными эмоциями. Но вот в некоторых тюркских языках самые чистые и прозрачные родники зовутся *gara su* – „черная вода”. В осетинском языке сочетание „черный молодец” соответствует русскому „добрый молодец”¹³. В большинстве языков, как и в русском, белый цвет, как антагонист черного (добро и зло), имеет положительную окраску, олицетворяя собой все самое чистое, светлое, прекрасное („Свет бел, да люди черны”). Однако в художественной литературе весьма часты оксюморонные сочетания с цветовыми атрибутами, создающие особую образность, художественную выразительность: *белая ненависть* – у В. Шукшина, в языке поэзии: *белая сажка, белая тьма, черный свет, черный снег, черное солнце*, у А. Блока – *черный шелк* – образ красоты, хотя и грешной.

Рассмотрим одну из многочисленных моделей семантической деривации цветовых атрибутов: „цвет – зрительное ощущение спектрального состава, окраска и цвет – признак понятий, связанных с общественной, политической направленностью различного рода группировок”: *красный* – ‘относящийся к революционной деятельности’: *Красная армия, красная гвардия, красный командир*; *белый* – ‘обозначение террора’, *белый офицер* – ‘представитель контрреволюционной армии’; *желтый* – ‘ориентирующийся на скандальные информации, сенсации’ – *желтая пресса*; *зеленый* – ‘относящийся к движению защитников окружающей среды’; *коричневый* – ‘фашистский, олицетворяющий фашистскую идеологию’; *голубой* – *голубые береты* – ‘десантники США’, *голубые каски* – ‘вооруженные силы ООН’.

Грамматические отличия семантически производных атрибутов сводятся к следующим: 1) как правило, производящие имеют, а производные не имеют степеней сравнения: *зеленый сад* – *зеленые защитники*; 2) для производящих свойственно наличие форм субъективной оценки, для производных – нет: *зеленький, желтуций*; 3) производящие имеют формы числа, производные – нет: *синие зори* – но только *синий чулок, голубая шаль* – *голубые шали*, но только *голубые каски*; 4) от производящих возможно образование отвлеченных имен существительных, от производных – нет: *краснота, желтизна*; 5) производящие и производные имеют разные словообразовательные пара-

¹³ В.И. Абаев, *Как можно улучшить этимологические словари*, [в:] его же, *Этимология*, Москва 1968, с. 7.

дигмы: *белый* (цвет) – *беленький, белеть, белить, белесый, белок, но белый – беляк*; 6) производящие могут иметь краткую форму, производные – нет: *трава зелена, арбуз красен*; 7) производящие и производные могут относиться к разным частям речи: *коричневые платки, но коричневые* (субстантивированное существительное) – члены нацистской партии в Германии.

Как видим, значение производных в значительной степени осложнено различными экспрессивно-оценочными моментами. Они имеют меньшую парадигматическую обусловленность и большую синтаксическую связанность.

В связи с высказанной точкой зрения относительно системности, а значит – правомерности признания самостоятельности семантического словообразования, которое приводит к появлению новых слов, особо остро встает проблема лексикографии – составления словарей по новому принципу. Как правило, в современных толковых словарях не отражается все многообразие экспрессивной окрашенности семантически трансформированных дериватов, иногда они просто не фиксируются (МАС), нет единых критериев их толкования, адекватного отражения приобретенной ими семантики. До сих пор не существует ни одного специализированного словаря эмоционально-экспрессивной лексики. „Единственный в своем роде *Словарь эпитетов русского литературного языка*, составленный К.С. Горбачевичем и Е.П. Хабло, – пишет Н.А. Лукьянова, – отражает далеко не единственный, определенный ряд экспрессивных лексических единиц, сфера функционирования которого – художественная речь, характеризующаяся эстетической функцией”¹⁴.

В некоторых лексиконах коннотативное содержание лексем толкуется пометами как обобщенного, так и более частного характера: *одобрительное* и *неодобрительное, порицательное, ироническое, презрительное, шутовское, предосудительное, уничижительное, пренебрежительное* и т.п., однако в подобных комментариях есть опасность субъективного подхода в выборе их оценки, что приводит к мысли о необходимости их четкой дифференциации и использования с учетом объективной трактовки.

В какой-то степени данную ситуацию можно понять: границы между нейтральным и экспрессивным фондом лексики весьма подвижны, подчас не столь ярко выражены, иногда сложно уловить и точно определить степень эмоциональной оценочности в связи с отсутствием специфических показателей.

Сказанное определяет актуальность составления специализированных словарей, которые должны быть основаны на анализе и систематизации большого фактического материала, что позволит выработать определенные рекомендации для его лексикографического описания. Некоторые из них можно было бы предложить сегодня.

¹⁴ Н.А. Лукьянова, *О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. I. Семантика*, [в:] *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*, вып. VIII, Новосибирск 1979, с. 12–45.

Прежде всего следует различать дериваты, созданные а) морфологическим путем: *нытик, зануда, позер, болтун, брюзга*, где носителями эмоциональной оценки являются производящие основы, и б) семантическим путем: *ангел* – ‘о хорошем человеке’, *барин* – ‘ленивый, праздный мужчина’, *зубр* – ‘опытный и ценный специалист’, *слон* – ‘неповоротливый, большой мужчина’, где эмоциональная окрашенность приобретена в результате семантической модификации. Большой пласт лексики составляют непроеизводные слова, в которых эмоционально-экспрессивная окраска исконна: *обормот* – ‘неряшливо одетый, оборванец, человек, наплевательски относящийся к своим обязанностям’; *пижон* – ‘не в меру модно одетый, стремящийся выделиться своим поведением, хвастун’; *цаца* – ‘молодая женщина с большими, необоснованными претензиями, напыщенная, чопорная’.

Лексикографам предстоит огромная работа по составлению словаря экспрессивно-эмоционально-оценочной лексики, в котором особое место должно быть отведено новообразованиям, являющимся продуктом семантических преобразований. Для их толкования может быть предложена следующая схема:

- 1) номинация новообразования, его коннотативное значение в результате трансформации;
- 2) синонимы;
- 3) исходное значение (семантика производящей основы);
- 4) основные факторы изменения лексического значения, модификации лексемы (причина семантической трансформации);
- 5) модель семантического переноса; словообразовательный тип;
- 6) грамматическая характеристика экспрессивной лексемы: сочетаемость, возможность образования краткой формы, степеней сравнения, видовых коррелятов (в зависимости от части речи) и др.;
- 7) иллюстративный материал;
- 8) помета эмоционально-оценочного характера: бранное, грубое, ласкательное, негативно окрашенное, ироничное и др.;
- 9) помета функционально-стилистического характера: разговорное, просторечное, жаргон, аргон и др.;
- 10) устойчивые сочетания, фразеологизмы, пословицы, поговорки.

Продемонстрируем предполагаемую схему в будущем словаре, используя в качестве производящей основы лексему *лопух*.

1. *лопух*: о непрактичном, нерешительном, глуповатом человеке;
2. простак, рохля, пентюх;
3. травянистое сорное растение семейства сложноцветных с крупными широкими листьями и цепкими колючками, репейник (МАС);
4. характерологический внешний признак – большие листья, невогребованные, не имеющие практической ценности, занимающие большое пространство;
5. перенос по модели: „название растения – качественная характеристика человека”: *валерианка, репей, сорняк*;

6. невозможность образования субъективной оценки, может выступать как представитель лексико-грамматической категории общего рода: „Она такой *лопух* в жизни!"; приобретает одушевленность: „Этого *лопуха* знали все в нашем дворе”;
7. „*Лопух* он у тебя. Чего проще велосипед купить, а и то никак не сообразит” (Н. Грибачев, *Вечереет*); „Он всех называл *лопухами* и другими обидными прозвищами” (Н. Носов, *Незнайка в солнечном городе*); „Просто он *лопух*! Мне бы кто-нибудь так сказал... он бы у меня утерся!” (Г. Адамов, *Угол белой стены*);
8. негативно окрашенное;
9. разговорное;
10. не отмечено.

Признавая право утверждать семантическое словообразование в качестве самостоятельного способа образования новых слов, свидетельством чему – системность процессов семантической деривации, мы должны заметить, что в этой области еще многое предстоит решить, в том числе – проблему составления словаря эмоционально-оценочных производных, в котором будет дана объективная трактовка этих производных в свете их нового понимания как самостоятельно функционирующих языковых единиц.